

как признает Босвелл, является чрезвычайно символичной, где политики традиционно убеждают словом, а не делом (Р. 224).

В целом, исследование Кристины Босвелл представляет большой интерес в силу его ярко выраженного прикладного характера. Там, где обыватель руководствуется конвенциональными доводами типа «политики всегда поступают так, как им выгоднее», Кристина Босвелл предлагает воспользоваться подсказками-индикаторами, не столько для того, чтобы предугадать поведение законодателей, сколько для того, чтобы исследователь, работающий над правительственным заказом, смог переосмыслить и скорректировать свое собственное видение ситуации. В тех организациях, где экспертное знание используется символически, исследователям не стоит рассчитывать на то, что их рекомендации будут претворены в жизнь, а не просто озвучены (Р. 221).

Список источников

Brunsson N. *The Organization of Hypocrisy. Talk, Decisions and Actions in Organizations. Second Edition.* Copenhagen: Copenhagen Business School Press, 2002.

Collingridge D., Reeve C. *Science Speaks to Power: the Role of Experts in Policy Making.* New York: St. Martin's Press, 1986.

Guston D. H., Jones M., Branscomb L. M. The Demand for and Supply of Technical Information and Analysis in State Legislatures // *Policy Studies Journal.* 1997. 25: 451–469.

Hart D. M., Victor D. G. Scientific Elites and the Making of US Policy for Climate Change Research, 1957–74 // *Social Studies of Science.* 1997. 23 (4): 643–680.

O'Connor A. *Poverty Knowledge: Social Science, Social Policy, and the Poor in the Twentieth-Century US History.* Princeton: Princeton University Press, 2001.

Walsh J. I. When Do Ideas Matter? Explaining the Successes and Failures of Thatcherite Ideas // *Comparative Political Studies.* 2000. 33: 483–516.

Young E., Quinn L. *Writing Effective Public Policy Papers: A Guide To Policy Advisers in Central and Eastern Europe.* Budapest: LGI, 2002.

Даниил Жайворонок

НАМ НУЖНА ДРУГАЯ МАТРИЦА

Aristarkhova I. Hospitality of the Matrix: philosophy, biomedicine, and culture. New York: Columbia University Press, 2012. 232 p. ISBN 978-0-231-15928-9

Еще до того как матрица была популяризирована Голливудом в качестве метафоры тотального контроля, киберфеминистский коллектив *VNS Matrix* использовал этот образ совершенно противоположным способом:

Даниил Жайворонок – магистр Европейского Университета в Санкт-Петербурге, член РККА, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: dzhajvoronok@eu.spb.ru.

как угрозу дискурсу «большого папочки» и возможности неограниченного доступа к удовольствию по ту сторону патриархального управления. Коллевание между этими двумя антагонистичными смыслами создало пространство для различных *матричных* исследований, внутри которого располагается, и одновременно выходит за его пределы, проект Ирины Аристарховой.

За разнообразием современных коннотаций матрицы Аристархова открывает феномен утраты изначального исторического значения, которое это слово имело в индоевропейских языках. Образованное от корня *mater*, обозначающего мать, и латинского суффикса *-trix* (производящий объект женского рода), оно было связано с материнским и обозначало колыбель всего и вся (Р. 3). Но в процессе исторических трансформаций изначальная связь оказалась вытеснена и работа с этой утратой, с процессами утрачивания и стирания, лежит в основе исследования Ирины Аристарховой. Однако это не реставрация «естественного» единства матричного/материнского, а осмысление образовавшегося между этими понятиями пробела, интервала, из-за которого матрица оказалась одновременно и связана, и отделена от материнского тела, как еще одного пространства порождения новых смыслов и их комбинаций, а также эффектов разрыва на технологическое и культурное воображение, особенно в отношении представлений о репродукции (Р. 11).

Другим важнейшим элементом в исследовании Аристарховой является концепт «гостеприимства». Для того чтобы понять, как он связан с матричным/материнским, она обращается к одному из важнейших космогонических текстов западной традиции – платоновскому «Тимею». Обнаруживается третий род бытия, участвующий в сотворении видимого и чувственного и постигаемый лишь с помощью «незаконного умозаключения»: кормилицу и восприемницу всего сущего, пространство – хору (*khora*). Ее Платон уподобляет матери и описывает с помощью метафоры *hupedoche*, отсылающей к качествам приглашения и восприятия (Р. 24). Эта связка между матерью и хорой позволяет Аристарховой объединить в смысловой синтагме матрицу и тему гостеприимства. «Тимей» является площадкой не только счастливых союзов, но и центральных конфликтов. Дело в том, что вводя в космогоническую схему хору и даже прямо указывая на ее материнскую функцию, Платон одновременно отрицает ее принадлежность к «роду женщин» (Р. 20), исключая тем самым женское тело из процесса порождения (мира), а, следовательно, и из контроля над этим процессом. Единственное активное начало – мужское, а функции женщины-матери сводятся к пассивному восприятию, к бытию в качестве пустого места, которое должно быть заполнено. Эта фундаментальная редукция активности женского/материнского/матричного преследует западную интеллектуальную традицию, оборачиваясь научными апориями и политическими проблемами.

Современная политика толерантности основана на кантианском определении гостеприимности из «*К вечному миру*»: «гостеприимство означает право каждого чужестранца на то, чтобы тот, в чью страну он прибыл,

не обращался с ним как с врагом» (Кант 1966: 276; Р. 30). При этом гостеприимство связано и с женским началом, Кант указывает на то, что самыми гостеприимными нациями являются наиболее женственные (Р. 39). Сведение гостеприимности к минималистическому основанию – к непроявлению враждебности, т.е. к дезактивации (по определению мужской) войны всех против всех, – возможно лишь потому, что фундирующей его феминности приписывается естественная пассивность, принятие, неспособность сказать «нет». Женственности, таким образом, отказано в самостоятельной активности.

В кантианском определении Аристархова вычленяет три основных момента, на которых основано современное (западное) понимание гостеприимности: собственность, территория и фигура пришельца-чужестранца (Р. 30). Однако симметричная семантическая структура обнаруживается и в иммунологическом дискурсе относительно репродуктивных процессов через парадокс беременности, сформулированном Медаваром – «как беременная мать умудряется в течение многих недель или месяцев вскармливать внутри себя плод, являющийся антигенно инородным телом» (Р. 56). Здесь воспроизводятся все ключевые элементы кантианской концепции: эмбрион как чужестранец, материнское тело как территория и сама женщина как Я, которому это тело принадлежит. Еще более показательным, что вопрос о том, почему мать/материнское тело не отторгает зародыш, обсуждается в терминах «иммунологической толерантности» (Р. 58) и даже «иммунологических виз», получаемых эмбрионом (Р. 60).

Далее Аристарховой разбираются альтернативные виды репродуктивных технологий и практик, такие как машины-инкубаторы и мужская беременность. Объединяет эти подходы восприятие материнского тела в качестве подходящего контейнера, но не как активного агента в процессе вынашивания/развития ребенка. Поэтому в обоих случаях упускаются из вида – и одновременно становятся наиболее проблематичными – аспекты кормления и взаимодействия с эмбрионом. Выход из этой ситуации невозможен без переосмысления материнского как действия, а не как пустого места, всегда уже готового к тому, чтобы быть заполненным.

Одна из центральных предпосылок, предлагающая альтернативы доминирующему дискурсу, является тезис о том, что «в матрице нет никакого пространства» (Р. 27), что означает – гостеприимное пространство, пространство-вместилище, не является естественным, пред-данным, всегда готовым и наличным. Напротив, оно «производится через работу размещения и акты гостеприимности матричного/материнского» (Р. 27–28). Тем самым разрывается эссенциалистская связка между женщиной и матерью, становится возможным анализ беременности и (по) рождения в терминах активности, отношений, производства, интенциональности, культурных практик.

Такой подход открывает возможность для осмысления гостеприимности как перформативности, не имеющей ничего общего с какой бы то ни было

«естественностью»: она требует множества усилий, приготовлений и времени, связана с принятием решений, трудом и управлением непредвиденными обстоятельствами (Р. 46). Переосмысление гостеприимности как практик, а не как качества или свойства, начинается с «деартикуляции дематериализованных понятий материнского, матричного и феминного из дискурса гостеприимности, так, чтобы стала возможной их реартикуляция в отношении актов матричного/материнского гостеприимства» (Р. 44). Другими словами, осмыслить практики и событие (матричной) гостеприимности, в том числе в их политическом горизонте, станет возможно только после того, как оно будет дезэссенциализировано, оторвано от привязки с (женской) природой или какой бы то ни было иной сущностью.

Признавая проницательность и оригинальность исследования Аристарховой, виртуозно перемещающегося между различными дисциплинами и областями знания, необходимо указать и на те моменты, которые требуют критического осмысления.

Остается не раскрытым вопрос, что генеалогия понятия матрицы дает для осмысления ее наиболее актуальных значений, таких, например, как виртуальная реальность или отношения власти, в том числе и в феминистской теории: например, концепт «матрицы доминирования» Патриши Хилл Коллинз (Collins 2000). Если вслед за Шухардтом (Schuchardt 2003: 30) принять, что метафора матрицы действительно соответствует распространяющимся формам биополитического контроля, то что тогда можно сказать об ее отношении с материнским и гостеприимством? Не содержатся ли в этих сочетаниях, помимо эмансипаторных возможностей новые опасности?

Интересно, что Аристархова, перечисляя современные значения матрицы, упускает из виду то, которое, казалось бы, одним из первых должно вспоминаться в связи с феминистской теорией, то есть понятие гетеросексуальной матрицы, введенное Джудит Батлер (Butler 1990). На это можно не обращать внимания, если бы не постоянно встречающиеся в тексте апелляции к мужскому и женскому, которые, сопровождаясь критикой культурного и биологического эссенциализма, тем не менее не рассматриваются именно в своих социальных и политических измерениях.

Другая проблема состоит в том, что делая акцент на возвращении материнского тела в философию (Р. 174), Аристархова возвращает его только в идеализированном, метафизическом виде, в котором исторические, политические и экономический контексты, а также личный опыт и субъектности матерей, едва ли представлены. Таким образом, за бортом оказывается обширный массив феминистской литературы, в центре которой находится анализ различных практик и интеракций, с чьей помощью конструируются, легитимируются и оспариваются отношения власти вокруг беременности и материнского тела.

Вытекает вопрос, насколько уместно говорить о матричной/материнской гостеприимности, если сама беременность понимается частью женской

гендерной «роли» и, соответственно, неизбежно вписана в отношения подчинения, контроля и сопротивления. Однако эти вопросы являются не столько недостатками проекта Аристарховой, сколько показывают его эвристический потенциал.

Список источников

Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 6. М: Мысль, 1966: 257–347.

Butler J. *Gender Trouble: Feminism and Subversion of Identity*. New York: Routledge, 1990.

Collins P. H. *Black Feminist Thought: Knowledge, Consciousness, and the Politics of Empowerment*. New York: Routledge, 2000.

Schuchardt R. M. What is the matrix? // G. Yeffeth (ed.) *Taking the Red Pill: Science, Philosophy and the Religion in the Matrix*. Chichester: Summersdale Publishers, 2003: 10–30.

Андрей Морозов

Валерий Телишев

ПЕРВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ НА ДЕРЕВОЛЮЦИОННОМ УРАЛЕ

Ашмарина С. В. Социальное страхование на Урале: 1903–1914 гг. М.: РГГУ, 2012. 204 с. ISBN 978–5–7281–1334–8

В 2012 г. Россия встретила 100-летний юбилей обязательного социального страхования, введенного законами 23 июня 1912 г. (Логвинова 2012; Морозов 2012; Гехт, Артемьева, Мокшин 2013). Дореволюционная, а затем и советская, а отчасти современная историография (Семеновых 2012; Хаконова 2013) создала целый ряд нелепых мифов об «ограниченности», «половинчатости» (Ленин 1967: 330) и даже, в крайнем случае, «ублюдочности» царского страхового законодательства (Семашко 1938).

Актуальность подобных взглядов связана с практически полным отсутствием исследований, рассматривающих эволюцию социального страхования в России в дореволюционный и советский период как единый процесс. Вместе с тем, если рассматривать развитие социального страхования

Андрей Викторович Морозов – к. и. н., доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия. Электронная почта: morozov.andrey.v@mail.ru

Валерий Федорович Телишев – к. и. н., доцент кафедры истории России и стран ближнего зарубежья, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия. Электронная почта: telishev.v@mail.ru

HOW DO POLICY-MAKERS MAKE USE OF EXPERT KNOWLEDGE?

Christina Boswell. *The Political Uses of Expert Knowledge: Immigration Policy and Social Research* Cambridge University Press, 2009, 280 p. ISBN: 9780521517416

Anna Prokhorova

References

- Brunsson N. (2002) *The Organization of Hypocrisy. Talk, Decisions and Actions in Organizations. Second Edition*, Copenhagen: Copenhagen Business School Press.
- Collingridge D., Reeve C. (1986) *Science Speaks to Power: The Role of Experts in Policy Making*, New York: St. Martin's Press.
- Guston D.H., Jones M., Branscomb L. M. (1997) The Demand for and Supply of Technical Information and Analysis in State Legislatures. *Policy Studies Journal*, 25: 451–469.
- Hart D. M., Victor D. G. (1993) Scientific Elites and the Making of US Policy for Climate Change Research, 1957–74. *Social Studies of Science*, 23 (4): 643–680.
- O'Connor A. (2001) *Poverty Knowledge: Social Science, Social Policy, and the Poor in the Twentieth-Century US History*, Princeton: Princeton University Press.
- Walsh J. I. (2000) When Do Ideas Matter? Explaining the Successes and Failures of Thatcherite Ideas. *Comparative Political Studies*, 33: 483–516.
- Young E., Quinn L. (2002) *Writing Effective Public Policy Papers: A Guide To Policy Advisers in Central and Eastern Europe*, Budapest: LGI.

ALL WE NEED IS ANOTHER MATRIX

Aristarkhova I. *Hospitality of the Matrix: philosophy, biomedicine, and culture*. New York: Columbia University Press, 2012. 232 p. ISBN 978-0-231-15928-9

Daniil Zhajvoronok

References

- Butler J. (1990) *Gender Trouble: Feminism and Subversion of Identity*, New York: Routledge.
- Collins P.H. (2000) *Black Feminist Thought: Knowledge, Consciousness, and the Politics of Empowerment*, New York: Routledge.
- Kant I. (1966) *Sochineniya v shesti tomakh* [Works in Six Volumes]. V. 6, Moscow: Mysl': 257–347.
- Schuchardt R. M. (2003) What is the matrix? G. Yeffeth (ed.) *Taking the Red Pill: Science, Philosophy and the Religion in the Matrix*, Chichester: Summersdale Publishers: 10–30.

Anna V. Prokhorova – MA in Sociology, PhD Student, Faculty of Political Sciences and Sociology, European University at St. Petersburg, Russian Federation. Email: aprokhorova@eu.spb.ru

Daniil Zhajvoronok – MA, European University at St. Petersburg, member of DCQA (St. Petersburg), Russian Federation. Email: dzhajvoronok@eu.spb.ru